

Это уже слишком?

Я сворачиваю в переулок, где находится бар. Туда уже стекаются пары. Не так я это себе представляла: все по двое, и в основном седые. Морщусь: ну я и дилетантка. Надо же было придумать — ринуться в город на поиски холостяка, который сразит меня наповал. Если только не ищу семидесятилетнего старика, которому внезапно захочется секса втроем, я явно не по адресу.

Но я же так собиралась, так предвкушала коктейль. Да и не могу я вернуться домой прямо сейчас — разодетая и благоухающая так, будто надеюсь быть съеденной. Поэтому паркуюсь и неохотно захожу в бар, сама по себе. Чувствую себя одинокой дурочкой. «Я женщина, услышь мой рев» — это вряд ли, скорее: «Я недавно разведенная робкая женщина, услышь мой шепот». Усаживаюсь между двумя пустыми стульями у барной стойки, заказываю «Маргариту». Чтобы меня слышать, бармену приходится наклониться поближе. Залпом осушаю бокал. «У меня все получится, — уговариваю себя. — Всего бокальчик. Поглазею на людей и уйду». Юная барменша с хвостиками рассказывает старшему седобородому коллеге о визите к родителям, с которыми хотела познакомить своего парня. Две женщины в углу обсуждают стратегии органического садоводства, я отвожу от них взгляд, только когда до меня доходит, что киваю им в такт. Столики перед барной стойкой заполняются людьми. А вдруг сюда придут мои родители? Они живут неподалеку, и здешняя публика вполне им под стать. Помню, еще студенткой я чувствовала себя в барах неуютно, вместо того чтобы наслаждаться, — слишком шумно, слишком бестолково. Куда лучше собраться в тесной квартирке, где можно общаться, не надрывая голос, и потягивать персиковое вино в комнате, где не пахнет дешевым пивом.

В бар вваливается шумная компания и занимает места слева от меня. Мой радар наготове. Ко мне спиной садится мужчина, высокий, мускулистый, с копной темных волос. Я небрежно подаюсь вперед,

чтобы проверить его безымянный палец. Ничего себе: кольца нет. Похоже, в компании одни родственники. Наверняка скоро заявится его девушка, и тогда я смогу опустить приподнятые от удивления брови и по-прежнему упиваться жалостью к себе. Нетерпеливо жду еще несколько минут, внимательно следя за динамикой в группе. Девушка не приходит, и я шумно отодвигаюсь вместе со стулом, спрыгиваю и демонстративно оттаскиваю его в сторону, чтобы привлечь внимание мужчины. Срабатывает.

— О, привет, извини, — говорит он, обращая ко мне свои теплые карие глаза. — Не хотел тебя теснить.

— Нет-нет, — отвечаю с улыбкой. — Просто заметила, что справа от меня целое футбольное поле, а ты с большой компанией жмешься в тесноте. Вот я и подвинулась, чтобы освободить тебе место.

И все.

Понятно, раньше я не знала, зато теперь уяснила: двигать стул, чтобы обратить на себя чье-то внимание, — дохлый номер. Мужчина отворачивается, и я снова одна, дрейфую в открытом море, справа и слева — сплошная пустота. Вот уж не думала, что можно быть одновременно заметной и невидимой. Зажмуриваюсь, словно это поможет раствориться навсегда.

«Глоток, вдох, глоток, вдох», — даю себе указания.

— Интересная сумка, — низкий голос прерывает мой праздник жалостного женского одиночества.

— Что, простите? — спрашиваю, испуганно оглядываясь по сторонам, чтобы понять, обращается ли красивый незнакомец ко мне или к кому-то рядом.

— Ваша сумка. Из чего она? — интересуется он, кивком указывая на мой клатч, лежащий на барной стойке.

— Из пробкового дерева, — говорю, проверяя голос, и протягиваю ему сумку — пусть потрогает.

— Крутая.

— Не то чтобы, — отвечаю. — Из аутлета в городке Ли. Но все равно спасибо, — глупо произношу я. Вот досада: вечно уклоняюсь от комплимента. «Научись уже ограничиваться простым “спасибо”», — думаю.

— Я проезжал мимо этих магазинов сегодня на моем двухколесном, — говорит он.

— Должно быть, приличная велосипедная прогулка в гору.

— Нет, не на велосипеде, я имел в виду мотоцикл. У меня небольшой отпуск, просто исследую здешние места. Я Джек, — представляется он, протягивая мне руку. — А он — Дон, — это о невысоком лысеющем мужчине рядом с ним.

Они продолжают беседовать, и я присоединяюсь. Как местная, рекомендую им рестораны и туристические маршруты. Джек жестом указывает на мой почти пустой бокал и интересуется, что я пью. Отвечаю: «Маргариту», и он спрашивает, пробовала ли я когда-нибудь «кадиллак». Нет? Он подзывает бармена, просит принести два и записать на его счет. Бармен переводит взгляд на меня, слегка улыбается и кивает, как бы с облегчением, что у меня появился друг. Я сдерживаю смех. Мужчина покупает мне коктейль? Помнится, на моем последнем свидании я еще не достигла того возраста, в котором можно выпивать, так что пришлось пользоваться фальшивым удостоверением личности.

Дон рассказывает, что добирался сюда несколько часов, чтобы послушать сегодняшнее выступление, а потом уходит к жене и друзьям, оставив нас наедине. Джек подчеркивает, что в этой поездке на выходные он один: дочь проводит большую часть времени с парнем, оставляя отца в одиночестве, жена умерла много лет назад, и он только что расстался с другой женщиной. Я говорю, что разошлась с мужем и у меня трое детей. Разговор кажется таким сюрреалистичным, что я решаю следовать старому правилу: «Притворяйся, пока не добьешься своего» — и изо всех сил стараюсь выглядеть уравновешенной, уверенной в себе одинокой женщиной. Как будто пробуюсь на роль разведенки в субботнем загуле: вовсю кокетничаю, повожу обнаженным загорелым плечом в его сторону, изящно опускаю руку на барную стойку — ярко-розовые ногти на фоне темно-красного дерева. Наконец приглушают свет, и музыканты начинают заполнять небольшую сцену.

— С твоего места ничего не видно, — говорит он, и я привстаю на барном стуле.

В этот момент мои наконец-то высохшие тугие, беспорядочные локоны, оставленные на произвол судьбы, касаются его лица, и он замечает:

— Твои волосы потрясающе пахнут.

Я литературный сноб, но здесь попадаю в ловушку сладкого романа в духе Даниэлы Стил.

Выступление отвратительное. Я бросаю взгляд на Джека: пожимаю плечами и строю гримасу. Он наклоняется к моему плечу и шепчет:

— Не могу поверить, что ради этого Дон проделал многочасовой путь.

К нам оборачивается мужчина с торсом полузащитника и укоризненно спрашивает Джека, играет ли тот на каком-нибудь инструменте.

Джек отвечает, что немного играет на гитаре, и мужчина говорит, что надеется, что когда-нибудь ему придется выступать на публике, чтобы люди издевались над ним, как мы — над этим исполнителем. Пристыженные, мы дослушиваем еще одну песню, затем Джек снова прижимается ко мне, чтобы спросить: «Будешь есть, если я закажу что-нибудь?» Теперь я понимаю, что мы в одной лодке, но не успеваю ответить: на нас снова шикают. Приличной девушке во мне хочется убежать, прежде чем снова попасть в передрягу. Я шепчу в ответ:

— Если голоден, могу показать тебе местечко, где можно вкусно поесть и поговорить без проблем на свою голову.

— Хорошо, — шепчет он. — Иди первой. Не забудь попрощаться с Доном. Встретимся через пару минут на улице. Так никто не заметит, что мы уходим вместе.

Хотя я не понимаю, кому какая разница, в этом есть что-то забавное, и подыгрываю ему. Позже буду задаваться вопросом, считал ли он, что это привычное для меня занятие и что я буду тронута его попыткой защитить мою репутацию в провинциальном городке. Дон удивлен моим ранним уходом, но я ссылаюсь на длинный день и выскальзываю наружу. На улице пустынно и сыро после дождя. Прислонившись к фонарному столбу, гадаю, выйдет ли Джек — может, он уже удирает с черного хода. Вдруг он пытается избавиться от меня, явной самозванки, чтобы закрутить с настоящей сексапильной разведенкой, которую приметил в толпе. Спустя несколько минут, в которые я чудом не воспламеняюсь от стыда, Джек внезапно вырастает рядом. Оставшись наедине, под стрекот сверчков мы застенчиво улыбаемся друг другу, и я веду его по грязным лужам в более оживленную часть города.

У входа в шумный гриль-бар он интересуется, буду ли я есть.

— Пожалуй, нет, — отвечаю. Есть я люблю, но только не сейчас, когда желудок на нервах выделяет акробатические трюки. — Я не голодна, но посижу с тобой.

— Один есть я не буду. Может, выпьешь что-нибудь? — говорит он.

— Нет, нельзя, — качаю я головой, и кудри подрагивают во влажном воздухе. — Мой лимит в два бокала исчерпан, я на машине, — почти уверена, что это идет вразрез со смелым, беззаботным образом, который пытаюсь создать, но практичная родительница берет верх.

Мы задумчиво разглядываем друг друга.

— С удовольствием посижу с тобой, пока ты ешь, — произношу, и вдогонку: — Но ты на самом деле так голоден? — сложно поверить, что эти слова сорвались с моих губ, но они ничто без укоризненного взгляда, который бросаю на него: ну давай же, насладись мной.

— Наверное, нет, — осторожно произносит он после небольшой паузы, видимо, чтобы разобраться со смыслом моих слов, и вдруг прижимается ко мне, целуя так сильно, что я впечатываюсь в кирпичную стену. Его губы, мягкие и полные, настойчиво надавливают на мои, и я отвечаю. Словно увядшее растение, которое только что полили, мгновенно оживает. С такой страстью и вожделением меня не целовали чуть ли не с подросткового возраста. Я поражена. Как я жила без такой подзарядки?

Наконец оторвавшись от меня, он прерывисто произносит:

— Моя гостиница недалеко отсюда.

Я знаю эту гостиницу. Она немного обшарпанная и вроде бы не подходит для первого (или вообще любого) романтического свидания. Но я не настолько глупа, чтобы упускать такую, казалось бы, прекрасную возможность, поэтому киваю и улыбаюсь с притворной скромностью. Мы идем вверх по главной улице, и на каждом светофоре он целует меня — не просто целует, а высасывает из меня весь воздух, словно для того, чтобы продержаться еще один квартал, до следующего перекрестка. Молюсь, чтобы ни в одной из редких машин не было знакомых: даже если заметят, я уже не в силах сдерживать нарастающий восторг.

Свет в фойе гостиницы режет глаза. Цокая по кафельному полу, догадываюсь, за кого меня принимает порттье, который с учительским видом сидит за стойкой. Хочется объяснить, но сейчас я в образе

героини романа — оправдания не предусмотрены. Меня всегда сильно волновало мнение окружающих, даже тех, с которыми я вряд ли пересеклась бы снова. Но в этот момент осознаю: пора завязывать с этим беспокойством и просто жить своей жизнью. Важно, что сама о себе думаю. Возможно, не стоит тревожиться из-за мыслей людей, которые даже не знают моего имени.

Молча, в напряженном предвкушении, мы поднимаемся в лифте. Возня с электронной карточкой, и мы в номере с огромной кроватью. На столе лежит мотоциклетный шлем. Я отлучаюсь в ванную, закрываю дверь и пристально смотрю на себя в зеркало, тихо и коротко подбадривая: «Что бы ни случилось — смех, слезы, а может, и позор, — наплевать. Главное, убедишься, что у тебя все работает». Все равно что выйти на пробежку и разносить новые кроссовки после того, как много лет не тренировалась. Ну да, долго не продержишься и натрешь ноги — и что? Он не местный, и ты больше никогда с ним не встретишься. Киваю в такт мыслям: «Да-да, все получится. Я разделаюсь с послебрачной невинностью, раз-два — и готово». Набравшись смелости, распахиваю дверь и выхожу, теперь в ванную идет он.

И вот, избавившись от одежды, стою голышом в номере незнакомца, ожидая его из ванной. Я не знаю правил игры и, поскольку последний час успешно изображала из себя уверенную одинокую женщину, твердо решаю продолжать представление. Показываю ему, к чему готова и чего хочу. Не пытаюсь притворяться, что мы здесь не для секса, а для чего-то другого. Это кажется мне единственным логичным шагом — но почему он, выйдя из ванной, застывает на расстоянии вытянутой руки и просто пялится? Разве он не должен с жадностью на меня наброситься? Может, не стоило вести себя так смело? Есть ли хоть один шанс, что земля разверзнется и поглотит меня прямо в этот момент, телепортировав с места, где я, кажется, облажалась?

— Это уже слишком? — наконец-то прерываю повисшее молчание. Звучит скромнее, чем я планировала. Глаза навькат, брови задранны — немного нелепо для женщины, только что беспардонно раздевшейся для мужчины, с которым знакома чуть больше часа.

К моему облегчению, он под стать мне — выпучив глаза и приподняв брови — произносит:

— Определенно не слишком, — подхватывает меня, словно невесту, и полуукладывает-полубросает на постель.

Сказать, что все было словно во сне, — значит не сказать ничего. За двадцать семь лет, с почти что подросткового возраста, у меня был секс только с одним мужчиной, и я ожидала, что так продлится до конца моих дней. С первой ночи с Майклом я родила и выкормила грудью троих детей, со средним успехом боролась с законом гравитации и, откровенно говоря, состарилась. Я в ужасе от того, что обнаружит Джек, добравшись до моего тела. Он, со своими коктейлями «кадиллак», мотоциклом и презервативами в бумажнике, явно берет от жизни все. Я жду как минимум испуга, а то и жалости.

Он мигом спускается вниз, и я *немало* удивляюсь, слыша его шепот: «У тебя очень милая киска». Из меня вырывается звук (надеюсь, больше похожий на смех, чем на гогот), заставляющий его спросить, что здесь такого смешного. Во-первых, я не знала, что мужчины используют это слово не только в неприличных разговорах с друзьями. Во-вторых, он правда считает, что со мной это сработает? Неужели я должна поверить, что одна так называемая киска среднего возраста сильно отличается от другой? Но воспитанная девушка во мне спешит извиниться:

— Нет, совсем не смешно, прости, мило с твоей стороны. Просто я удивилась. Раньше мне не говорили ничего подобного.

— Серьезно? — спрашивает он. — Совсем никто? Ни за что не поверю.

— Клянусь, — настаиваю. — Разве они не выглядят все одинаково? Я имею в виду, более или менее одинаково.

— Нет, совсем нет. Они все очень разные, с разным запахом и вкусом. Разве ты никогда не разглядывала ее поближе и не замечала, какая она хорошенькая?

— Хм, нет, ни разу, — отвечаю, вспоминая, что последний раз видела ее семь лет назад, когда рожала Джорджию и случайно бросила взгляд в зеркало. — Но я заинтригована.

Я на самом деле заинтригована и делаю себе пометку в голове: надо исследовать ее попозже и выяснить, что он в ней нашел. Мне еще столькому предстоит научиться.

— Пожалуйста, будь нежнее, — говорю, не решаясь рассказать всю правду. — Должна признаться, это мой первый секс после расставания с мужем. И я волнуюсь.

Невозмутимость испаряется, несмотря на все мои усилия. Я здесь и настроена решительно, но больше не могу прикидываться, что мне

не страшно. Мысль, что другой мужчина, не мой муж, окажется внутри, просто ужасает меня.

— Я понимаю, все в порядке. Это тоже мой первый раз после расставания с девушкой. И я обещал себе, что в этой поездке не стану связываться с женщиной, — отвечает он. Я испытываю облегчение, оттого что он делится своими сомнениями, впечатлена и благодарна, что он не отсылывается от меня из-за моей уязвимости, а, наоборот, остается рядом.

Через несколько секунд я — само противоречие — говорю ему, что на самом деле хочу, чтобы меня трахнули. Таких слов я раньше не употребляла. Для меня «трахнуть» означало нечто вульгарное, лишенное любви, тепла и близости, как будто из тебя что-то по-деловому выбивают. Я была вполне уверена, что это точно не про меня. Впрочем, «заниматься любовью» — тоже не мое. Пошлая фраза из любовных песенок семидесятых: под закатным солнцем парочка истекает слащавой нежностью — нет, только не это. Так что и любовью я вряд ли занималась. У меня просто был секс — самое безопасное и банальное слово, что я могла подобрать. Немного медицинское, без всяких эмоций, будь то любовь или грубость. Золотая середина.

Он слегка колеблется:

— Сначала ты просишь быть нежнее, а потом — трахнуть тебя. Я запутался, чего тебе хочется.

— Тебя и себя, — отвечаю, стараясь показаться раскрепощенной, вернуть напускную смелость, которую испытывала еще несколько минут назад, пока раздевалась. — Может, ты просто продолжишь без моих наставлений, и я дам тебе знать, если это будет слишком?

На мгновение задумываюсь, что совсем не знаю этого человека и никому не известно, что я здесь. Я даже не уверена, что его на самом деле зовут Джек. Волновалась, как все пройдет и в каком состоянии то, что он называет «киской», и даже не задумалась, кто этот незнакомец. Может, он заманивает женщин, прикидываясь вдовцом. Но против своих правил отважно бросаюсь в омут. Если не начну грести, мне конец. Хотя я и лишилась девственности тридцать лет назад, этот опыт удивительно напоминает мне о том моменте. Не хватает лишь переживаний, что об этом узнают мои родители, чья спальня расположена в двух пролетах выше подвального помещения, и ворсистой шерсти клетчатого дивана.

Близость с Джеком удивляет в самом лучшем смысле: весело, чувственно, даже восхитительно. Отдать контроль и не навязывать отметку на шкале между «заниматься любовью» и «трахаться» — оказывается, это очень бодрит. Он не знает меня, поэтому у него нет ни малейших ожиданий от моего тела. Это позволяет мне быть кем захочу в сексуальном плане. Я переживала, что мне будет не хватать Майкла и первое свидание окажется отравленным болью. Но, перестав копаться в себе и размышлять, в кого превращусь без одежды, я освобождаюсь от сексуальной идентичности, усвоенной за почти тридцать лет замужества.

Поднявшись по моему телу, Джек кладет одну руку мне на живот, а другую протягивает вверх, чтобы нежно накрыть ладонью сосок. Прикосновение к животу — именно оно воспринимается как сокровенное. Хотя меня всегда возбуждали ласки частей тела, предназначенных для секса, его внимание к, казалось бы, обычным местам — икрам, бедрам, животу — приводит меня в настоящий восторг.

— Ты в отличной форме, — говорит он. — И не поверишь, что у тебя трое детей.

— Спасибо, — говорю я. — Но они и правда все мои. В доказательство у меня есть растяжки и обвисшая кожа. — И тут же сожалею о сказанном: «Научись ограничиваться простым “спасибо”», — повторяю про себя уже второй раз за вечер. Если он не замечает, что я утратила упругость, не нужно самой указывать на это.

Он игриво сжимает мои руки, восхищаясь мышцами. От этих комплиментов я пылаю. Он не называет меня ни упругой, ни пышной — слова, которые ассоциируются у меня с сексапильностью, — а просто говорит, что я сильная. Знаю, что никто не может надеть другого человека силой, ее не подделать. Значит, это качество — полностью моя заслуга. Так вот чего мне хочется: быть немного дрянной девчонкой, немного непредсказуемой, но желающей и способной позаботиться о себе.

Он тянется за презервативом, который заранее положил на тумбочку, но я ловлю его за руку и прошу подождать.

Переворачиваюсь так, что оказываюсь верхом на нем, и кладу руки на его обнаженную мускулистую грудь. На ощупь кожа мягкая и гладкая, без единого волоска. Указательным пальцем провожу по татуировке на левом бицепсе. Большая птица размером с мой кулак, под ней надпись на латыни.

— Что здесь написано? — спрашиваю.

— Долгая история. Я сделал ее во время службы в армии, давным-давно, — говорит он.

Мои бедра скользят назад, и я оказываюсь на коленях, меж его ног. На миг останавливаюсь, чтобы полностью овладеть тем, что находится передо мной: у него эрекция, лобок совсем без волос. Я задумываюсь над своим недавним вопросом о том, что отличает одну киску от другой, и поражаюсь, насколько его член отличается от того, к которому я привыкла. Двадцать семь лет я видела только пенис мужа, и, к моему удивлению, он сильно отличается от того, что у меня перед глазами, — только вот чем именно? Неожиданно понимаю, что я не смогла бы адекватно описать член Майкла, даже если бы очень постаралась. Когда я в последний раз разглядывала его внимательно? И когда в последний раз я с вождсением (или хотя бы с полнейшей скукой) обхватывала его губами?

Я поглаживаю его яички — без волос они приятные, словно кожа младенца. Осторожно провожу по ним языком, он же хватает меня за волосы и стонет. Я скольжу обратно, прижимаюсь к нему и сама тянусь за презервативом, надрываю обертку и помогаю натянуть. Я была уверена, что презервативы радикально изменились за тридцать лет с момента, когда последний раз пользовалась ими, но нет: первое, что я ощущаю, когда он входит в меня, — нечто искусственное и липкое вместо теплой, мягкой кожи. Следом замечаю, что глубоко во мне этот мужчина — не мой муж — и я до сих пор в полной исправности.

Мы проводим в постели еще несколько часов, одаривая друг друга ласками и поцелуями, разговаривая между делом. Что бы ни думала об «этом», я доказываю себе, что, возможно, во мне оно еще сохранилось. Я ожидала слез, ностальгии по тому, как это было с Майклом, который так хорошо знал, что мне нравится и не нравится в постели. Оказывается, я эксперт по достижению оргазма, чего не удается многим женщинам, — так утверждает Джек, хотя выборка у него явно ограниченная. Я была уверена в разладе со своей сексуальностью, но выяснилось, что понимаю реакции тела и мне нравятся физические ощущения, возникающие во время секса. Да, я занималась им несколько десятилетий, но с одним и тем же мужчиной, когда за тонкой стеной спали дети. Но вот он, секс, который я помню с юности, — хищный,

влажный, захватывающий. От него так и захватывает дух, а после хочется еще и еще. Теперь мне ничто не мешает создать себя новую любимым способом, каким только пожелаю, и отбросить ту сексуальность, в жесткие рамки которой я когда-то себя загнала.

Честно говоря, Майкл совсем не виноват в том, что наша сексуальная жизнь стала скучной и однообразной. Он всегда был страстным любовником и мигом воспламенялся, когда я ему отвечала. Сложно сказать, перестал ли он привлекать меня или я сама перестала привлекать себя рядом с ним. Единственное, в чем я уверена, так это в том, *что* сейчас во мне ожило: не просто возбуждение, но и сексуальное любопытство. Я всегда давилась, делая минет. Но что, если теперь он мне нравится? Я всегда была тихой в постели. Но что, если теперь я готова шуметь? Казалось, передо мной столько разных удивительных возможностей, открывших мне то, чего я давно не испытывала, — страсть.

Джек просит меня солгать и пообещать, что останусь на всю ночь.

— Я не могу остаться, — отвечаю. — Мне нужно домой.

— Знаю, — говорит он. — Поэтому и попросил соврать мне.

Так и делаю, заверив, что не уйду от него всю ночь, и одиночество, скрытое за его просьбой, наполняет меня глубокой печалью, но одновременно и нежностью из-за незащищенности, которую он обнажил передо мной. Он смешит меня своим рассказом о том, что, когда я вышла из бара, чтобы дождаться его снаружи, Дон удивился моему уходу: он был уверен, что Джеку со мной «повезет». Так что наш план сработал — моя репутация осталась незапятнанной. Джек считает меня красивой, сексуальной и отважной, и хотя ему видна моя еще не затянувшаяся рана, он уверен, что однажды у меня все будет более чем хорошо. От его слов у меня захватывает дух. Незнакомец, которому удалось увидеть меня так близко, как это удавалось только мужу, сопереживает и придает мне уверенности в себе — это заряжает меня оптимизмом, в котором я отчаянно нуждаюсь, сама о том не подозревая. Я считала, что прекрасно справляюсь с ролью беспечной, раскованной, почти разведенной женщины, но сквозь поверхностные слои он рассмотрел мою сущность, где скрывается скорбь, рассмотрел и не испугался.

Уже далеко за полночь, и мы начинаем отключаться в объятиях друг друга. Я шепчу, что мне пора домой, и прошу проводить меня

до машины — она стоит в нескольких кварталах отсюда в притихшем городе. Без единого слова мы натягиваем одежду, словно облачаемся в броню, которая с каждым слоем становится все толще. Я задумываюсь: будет ли секс со всеми мужчинами, не с Майклом, всегда таким глубоко сокровенным? Или нам с Джеком всего лишь повезло найти родственную душу и разглядеть друг друга, заведомо зная, что это будет секс на одну ночь?

Как только мы выходим из гостиницы, заряжает дождь, и Джек предлагает сбегать наверх за зонтом. Я отказываюсь: теперь, когда мы одеты и готовы к привычным делам, мне не терпится уйти. Мы резво идем в полной тишине.

— Ничего себе, как быстро ты ходишь! Ни одной женщине не удалось шагать в моем темпе, тем более на каблуках и под дождем, — говорит он.

— Я все-таки горожанка, — замечаю. Как мало он знает обо мне кроме моего тела и основных фактов жизни.

Добравшись до машины, предлагаю подвезти его до гостиницы. Садясь за руль, вскользь осматриваю пассажирское сиденье, которое хранит следы поездки с Джорджией: пакет с крекерами-рыбками, обертки от мюсли-батончиков, кулек с вишневыми косточками. А вот и разоблачения: на самом деле я хлопотливая домохозяйка и заботливая мамочка. Как это сочетается с женщиной, которая несколько часов назад сбросила с себя одежду и практически умоляла совратить ее?

Подъехав к гостинице, под сильным, немилосердно ярким светом поворачиваюсь к нему и робко говорю:

— Ну, спасибо. Было приятно познакомиться.

— Да, мне тоже очень приятно. Может, столкнусь с тобой в выходной, когда снова заеду сюда, — отвечает он. Он не пытается узнать мой номер, а я — его. Через пару секунд выезжаю с парковки и мчусь к себе.

Меня не было всего семь часов, но я возвращаюсь домой совсем другой женщиной.

*

Наутро просыпаюсь в недоумении. В памяти всплывают ночные события, но теперь они кажутся нереальными. Чувствую себя так, будто пережила удар молнии. Прохожусь взглядом по обнаженному телу,

кладу руку на сердце. Все выглядит так же, как и сутки назад: темный загар с пляжей Нантакета, округлившийся животик, груди, стекающие каждая в свою сторону. Я уже не настолько подтянутая и бодрая, как на заре моей сексуальной жизни. Бока утратили плотный молодой жирок и стали одновременно и тверже, и мягче — сказываются закон гравитации, роды и возраст. Рассматриваю себя — каждую веснушку, прожилку, шрам и волосок. К лучшему или к худшему, это тело мое, и я могу делать с ним все что захочу. Это новое знание и освобождает, и сковывает. В хорошие дни я бывала в ступоре, в плохие — в депрессии, и так месяц за месяцем. Но сейчас замечаю проблеск возвращения к жизни. Это и физическое ощущение, и внезапное осознание себя как личности. Цельной личности, а не только матери, жены или покинутой возлюбленной. Все они есть во мне, но я сама — гораздо больше. Это напоминает встречу со старым приятелем. Преисполненная благодарности, предвкушаю, что ждет меня впереди.

Уверена, что несколько часов назад Джек умчался на своем мотоцикле, но все равно запрыгиваю в машину и возвращаюсь в город. Кажется невозможным, что человек, выдернувший меня из долгого глубокого оцепенения, — всего в десяти минутах езды отсюда. Въезжаю на опустевшую парковку отеля. Компания, проводившая в городе выходные, уехала. На месте, где стоял мотоцикл, теперь один раскаленный бетон. Я разом испытываю разочарование и облегчение: не знаю, что сделала бы при встрече с ним, я просто хотела убедиться, что он и правда существовал. Вдохнув, еду домой — к очередному летнему дню, к дочери и человеку, который все еще мой муж.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

